

СТРАТЕГИЯ КАК БАЗОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА КОММУНИКАЦИИ

В статье предпринята попытка интеграции понятия коммуникативной стратегии в систему понятий когнитивной лингвистики. Обосновано применение такого инструмента когнитивного анализа коммуникации, как сценарий коммуникативной стратегии.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, когнитивный анализ, интерактивный сценарий.

Мартынюк А.П. Стратегія як базовий інструмент когнітивного аналізу комунікації. У статті здійснена спроба інтеграції поняття комунікативної стратегії в систему понять когнітивної лінгвістики. Обґрунтовано застосування такого інструмента когнітивного аналізу комунікації, як сценарій комунікативної стратегії.

Ключові слова: комунікативна стратегія, когнітивний аналіз, інтерактивний сценарій.

Martyniuk A.P. Strategy as a basic instrument of cognitive analysis of communication.

The article attempts at integration of the communicative strategy concept into the framework of cognitive linguistics. It makes a case for application of such an instrument of cognitive analysis as a script of communicative strategy.

Key words: communicative strategy, cognitive analysis, script.

В последнее время в лингвистике утверждается взгляд на стратегию как базовое понятие коммуникации. Стратегию определяют в терминах коммуникативного намерения говорящего, сформированного на основе общего коллективного знания о способах поведения в обществе; оценивания намерения как адекватного достижению желаемых социально значимых целей общения в его конкретный момент; реализации намерения вербальными способами; осмысления этой реализации всеми участниками коммуникации [9, 107].

Этот взгляд базируется на признании когнитивных оснований коммуникативного действия / взаимодействия.

В советской лингвистике задача разработки лингвистических моделей класса «мысль – сообщение» была поставлена еще в начале 80-х годов прошлого века: «мысль должна быть противопоставлена смыслу как интеллектуальный стимул, стартер динамически развивающегося во времени акта <...> окончательному результату, продукту этого акта» [3, 32]. Основным условием построения такого рода моделей было принятие гипотезы, что семантические представления есть лишь «тени лежащих в их основе мыслительных структур» [там же].

Эта гипотеза зеркально отражает базовые постулаты когнитивной лингвистики, в частности, представление **о языковом значении как продукте концептуализации**. Концептуализация представляется процессом инференционной природы, в котором языковые единицы исполняют роль тригге-

ров целого ряда когнитивных операций с привлечением широкого энциклопедического знания интерпретатора [17; 22; 23; 24].

Теория концептуализации отвечает на вопрос о природе значения как *достояния индивидуального сознания*. Еще более важным для когнитивно-коммуникативного понимания стратегии представляется акцентирование «интерсубъективной природы языкового значения» как *достояния взаимодействующих сознаний*. Такая трактовка характерна для представителей психолингвистики [1], а также интеграционистской лингвистики [5; 20], определяющих значение как когнитивный феномен, порождаемый областью когнитивных взаимодействий организмов (сознаний) «в универсуме интерсубъектного дискурса» [5, 153].

Взгляд на язык как «определенный вид совместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной динамики» [6, 63] и, соответственно, на коммуникацию как «усилия по установлению общих ориентиров в той или иной ситуации взаимодействия» [5, 153], направленные, в конечном итоге, на сохранение экологической системы «организм – мир» [21], обосновывает безусловную ***целенаправленность / мотивированность и регулятивность коммуникативного (взаимо)действия***.

Речь идет не об интенциональном речевом воздействии, а о *регулятивной природе языка-коммуникации* [7, 12] как совместной человеческой деятельности, порождающей разум [12, 305], т.е. свойство извлекать информацию из окружающего мира и использовать ее себе на благо [6, 58].

В таком толковании коммуникативная деятельность ингерентно стратегична, поскольку она всегда подчинена целям, мотивированным исконными социально-биологическими потребностями человека.

В свое время, рассматривая возможность применения такого инструмента когнитивного анализа как фрейм в исследовании речевых стратегий, О.С. Иссерс усматривала проблему в том, что «далеко не полностью выявлены связи между фреймом, с одной стороны, и такими традиционными лингвистическими категориями, как значение слова, значение предложения, значение грамматической категории, – с другой. Мало изучены возможности применения семантики фреймов в прагматическом анализе» [2, 92].

Решение этих проблем заложено в базовых принципах когнитивной лингвистики, лежащих в основе понимания языкового значения как продукта концептуализации.

Согласно теории концептуализации, языковые знаки наделяются смыслом «он-лайн» в акте коммуникации на основе когнитивных операций инференционной природы. Полученное инференционное знание (*purport*) отображает весь предшествующий опыт конструирования смысла данного языкового выражения в ситуации коммуникативного взаимодействия и модифицируется здесь и сейчас под влиянием нового опыта [15, 101].

Инференции выводятся с учетом конвенционального концептуального содержания, активируемого языковым выражением (лексического концепта), энциклопедических знаний, частью которых есть это конвенциональное концептуальное содержание, а также всех контекстуальных параметров коммуникативного акта.

Термин «контекст» относят ко всем возможным составляющим коммуникативного акта, которые могут влиять на интерпретацию.

Традиционно разграничивают лингвальный и экстралингвальный контекст.

Лингвальный контекст включает: а) языковое выражение, активирующее в сознании интерпретатора конвенциональное концептуальное содержание (лексический концепт); б) предложение-высказывание, в рамках которого употреблено это языковое выражение; в) весь предшествующий текст, а в некоторых случаях и интертекст, ориентирующий интерпретатора на ту или иную интерпретацию.

Как справедливо отмечает И.М. Коллегаева, список параметров *экстралингвального контекста* коммуникативного акта обозрим лишь теоретически. «Он включает в себя как природные, антропометрические и психогенетические (пол, возраст, талант), так и социально обретаемые (обучение) параметры; как внутренние, психологические (наличие/отсутствие установки на общение, наличие мотива или только реакции), так и внешние факторы (биографические, профессиональные и прочие побуждения); как способы кодификации сообщения (устный / письменный, естественный язык / искусственные знаковые системы), так и цель коммуникативного акта (сообщение, воздействие, убеждение и т. д.); как регистр взаимоотношений субъекта и объекта (официальные / неофициальные), так и характер референтного пространства, отражаемого в сообщении (реальность / квази-реальность) и т.д., и т.п. Все эти бесконечные условия дают бесконечное число комбинаций, существенно влияющих на актуализацию коммуникативной потенции индивида» [4, 8].

Предпринимая попытку систематизации этих параметров, релевантной для когнитивно-коммуникативного анализа, экстралингвальный контекст делим на перцептивный и психический.

Перцептивный контекст охватывает всю экстралингвальную информацию, поступающую через сенсорные каналы в момент коммуникативного взаимодействия, прежде всего, пространственно-временные параметры коммуникативного акта, количество / физические и статусно-ролевые характеристики участников, их физическое и психическое состояние, их невербальные коммуникативные действия.

Параметры перцептивного контекста могут влиять на интерпретацию, лишь становясь частью психического контекста коммуникативного акта, т.е. перцептивно-аффективно-когнитивного опыта интерпретатора, приобретаемого как в процессе социализации, так и здесь и сейчас в акте коммуникации.

Важно подчеркнуть, что в нашем понимании психический контекст включает не только энциклопедические знания о том или ином фрагменте мира во всем многообразии связей и отношений, но также и лингвистические знания, и кроме того, эмоциональные переживания и оценки. Весь этот опыт формируется по законам психической деятельности индивида под контролем норм и оценок, вырабатываемых социумом, и шире – культурой [1, 434].

Традиционная модель структурной организации коммуникативного акта (см., например, [14, 25] и др.) вполне соизмерима с предлагаемым пониманием контекста коммуникативного акта, поскольку акцентирует его интерактивную природу. В структурном плане коммуникативный акт представляется как обмен коммуникативными ходами, т.е. вербальными / невербальными действиями коммуникантов, приводящими к реализации той или иной коммуникативной цели и продвигающими коммуникативное взаимодействие к достижению такой цели. Коммуникативные ходы могут состоять из одного или нескольких высказываний.

Представляется, что понимание коммуникативного акта как когнитивного феномена предлагает решение проблемы единиц структурирования и анализа коммуникации. Критика речевого акта, претендующего на этот статус, как раз и связана с тем, что понятие «речевой акт»: 1) не отображает intersubъективной природы коммуникации (речевой акт, определяющийся исключительно намерениями говорящего, выводит из фокуса внимания распознавание коммуникативных намерений слушателя); 2) игнорирует «динамическую и стратегическую сущность естественного речевого общения» (речевые акты выделяются без учета динамики «точки зрения коммуникантов», выявляющейся при разворачивании коммуникативных структур); и, главное, – 3) не в полной мере учитывает роль контекста [8, 364–368].

Согласно характеру предметной области, энциклопедические знания, являющиеся частью психического контекста коммуникативного акта, подразделяем на онтологические и (лингво)этологические.

Онтологические знания («знания ЧТО») включают информацию как о сущностях реального / фантазийного мира, к которым отсылает высказывание, т.е. о *референтной ситуации*, так и об участниках *коммуникативной ситуации*.

Этологические и лингвоэтологические знания («знания КАК») представляют собой стереотипные модели социального и коммуникативного поведения, соответствующие бытующим в данном социуме представлениям об этологических (этических) и лингвоэтологических (коммуникативных) нормах.

И.И. Чесноков называет такого рода знания поведенческими концептами – отраженными в сознании индивида моделями поведения (деятельности), которые описываются в терминах социального взаимодействия – с точки зрения мотива, цели, а также стратегий и тактик их достижения [10] (см. также развитие теории И.С. Шевченко [11]). Реализация поведенческих концептов понимается как осознанная целенаправленная знаковая деятельность, связанная с выражением исследуемого концепта в практике социального взаимодействия.

В качестве примера поведенческого концепта приводится концепт МЕСТЬ, реализующийся в «виндиктивном» дискурсе. Целью предписываемой концептом МЕСТЬ деятельности является преобразование коммуникативного пространства и установление границы, отделяющей свое (безопасное) от чужого (враждебного). Достижение цели обеспечивается стра-

тегиями устрашения и перверсии, т.е. нанесения угрожающему объекту физического и/или морального вреда, а также тактиками угрозы, злопожелания, изгнания, поругания. Примером дискурсивной реализации концепта МЕСТЬ служит письмо запорожцев турецкому султану.

Согласно убеждениям когнитивистов, энциклопедические знания (речь идет, главным образом, о «знании ЧТО») организованы с помощью схемных структур (доменов / фреймов и образ-схем). Концептуализация базируется на базовых доменах (ПРОСТРАНСТВО, ЦВЕТ, ЗВУК / ВЫСОТА ТОНА, ТЕМПЕРАТУРА, БОЛЬ, ЗАПАХ, ВРЕМЯ, ЭМОЦИЯ) и образ-схемах (НИЗ-ВЕРХ, ЛЕВОЕ-ПРАВОЕ, БЛИЗКОЕ-ДАЛЕКОЕ, ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ, КОНТЕЙНЕР, ДВИЖЕНИЕ, МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, ЧАСТЬ-ЦЕЛОЕ и т.п.), укорененных непосредственно в телесном перцептивном (сенсомоторном) и интроспективном опыте человека. Однако, как отмечает Р. Ленекер, в большинстве случаев, эта укорененность (*grounding*) непрямая: посредниками выступают промежуточные концептуальные структуры – абстрактные домены [23, 149–150]. Понятие абстрактного домена (КОММЕРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РИСК, ПОЛИТИКА, СПОРТ и т.п.), соотносимо с понятием фрейма и нередко термины «домен» и «фрейм» употребляются как синонимы.

И теория фреймов Ч. Филлмора, и теория доменов Р. Ленекера отражают основополагающий принцип когнитивной лингвистики: лексический концепт, активируемый языковым выражением, можно осмыслить только на фоне структур энциклопедических знаний, частью которых он является [там же, 152].

В рамках теории доменов упоминаемая О.С. Иссерс проблема связи между схемной структурой и значением слова / предложения-высказывания объясняется соотношением профиля (*profile*) и базы (*base*). Профилем называют концепт, актуализируемый языковым выражением, а базой – домен или матрицу доменов, необходимых для понимания профиля: «семантическая значимость языкового выражения не конституируется отдельно ни профилем, ни базой, она заключается только в их комбинации» [там же, 183].

В теории фреймов, где фрейм определяется как «система концептов, связанных таким образом, что для понимания одного из них необходимо понять всю структуру, в состав которой они входят» [18, 111], для размежевания смысла, актуализируемого языковым выражением, и энциклопедических знаний, необходимых для интерпретации, используются термины «фигура» (*figure*) и «фон» (*ground*) [19].

«Непопадание» в домен / фрейм приводит к коммуникативным неудачам. Например:

Sheldon and Penny went to an electrical store.

RANDOM GUY: *Which hard drive do I want, firewire or USB?*

SHELDON: *It depends on **what Bus you have.***

GUY: ***I drive a Chevy Cavalier.***

SHELDON: *Oh, dear lord.* (The Big Bang Theory: season 1, episode 16)

Этот коммуникативный акт происходит в компьютерном магазине. Пы-

таясь помочь одному из случайных покупателей подобрать жесткий диск, адресант Шелдон спрашивает, какая шина (*Bus* – канал передачи информации) используется в его компьютере, ожидая, что адресат интерпретирует его высказывание в рамках фрейма КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, как предполагает перцептивный контекст коммуникативного акта. Однако адресат (гипотетически, из-за недостатка опыта в компьютерной сфере) интерпретирует вопрос в рамках фрейма ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА: лексическая единица *Bus* активирует в его сознании более укорененный концепт АВТОБУС.

«Знание КАК» структурируется с помощью «динамической» разновидности семантического фрейма – сценария (*script / speech event frame*). Если фрейм схематизирует статическую информацию, то сценарий моделирует динамическую информацию, касающуюся стереотипных повседневных ситуаций [15, 151] «с учетом последовательности событий в рамках определенного контекста» [там же]. Этот тип фрейма «схематизирует знания относительно типов интеракционного контекста, влияющих на интерпретацию и выбор лексических единиц и грамматических конструкций» [16, 228]; а также относительно стилей и регистров речи [там же]. Кроме того, знания, организуемые сценарием, как правило, культурно специфичны [там же].

(Лингво)этологические знания, составляющие ментальный коррелят коммуникативной стратегии, схемно представляют в виде фрейма-сценария [мотив – интенция – оценивание параметров ситуации – выбор языковых / неязыковых средств – совершение соответствующего речевого / коммуникативного акта] [11, 18].

Мотивы и цели формируют иерархию, в разных типологиях представленную глобальной / основной и локальными / вспомогательными стратегиями. Широко обсуждаемый вопрос о соотношении стратегии и тактики представляется не столь важным, поскольку в зависимости от ситуативной конфигурации параметров контекста одно и то же действие может быть охарактеризовано и как стратегия, и как тактика.

Глобальные стратегические цели определяются двумя глобальными мотивами любого коммуникативного (взаимо) действия: создание собственного позитивного имиджа («сохранение лица» [13]) и недопущение ущемления собственных интересов («сохранение своей территории» [там же]). Эти глобальные мотивы изначально ориентируют коммуникативную кооперацию (стремление оставаться в рамках (лингво)этологических норм, навязываемых социумом – реализация таких мотивов описывается в терминах вежливости) и конфронтацию (готовность нарушить (лингво)этологические нормы и проявить агрессивность для достижения стратегических целей). Недаром в любых типологиях выделяются кооперативные и конфронтационные коммуникативные стратегии.

Представляется, что глобальные стратегические цели по-разному реализуются в рамках разных коммуникативных событий, т.е. определяемых различными конфигурациями параметров перцептивного и психического контекста коммуникативных ситуациях, которые потенциально возможны в том или ином лингвокультурном социуме. Коммуникативные события могут

характеризуватися різною ступенем інституціональності (консультація психоаналітика / сеанс масажу / речь політика / університетська лекція і т.д.) або ж репрезентувати переважно побутову комунікацію (ссора / пояснення в любові / оплата покупки в супермаркеті / бесіда і т.п.). І, нарешті, різні комунікативні події в більшій або меншій ступені асоціюються з різними комунікативними тактиками, визначеними безпосередніми комунікативними інтенціями говорячого (прохання / запрошення / (не)згода / (не)одобрення / запит інформації / оголошення / загроза і т.д.). Тактики втілюються конкретними вербальними і невербальними діями.

Так, поведінковий концепт МЕСТЬ є корелятом глобальної конфронтаційної комунікативної стратегії МЕСТЬ, направленої на збереження власної території («перетворення комунікативного простору і встановлення меж, що відокремлює своє (безпечне) від чужого (ворожого)» [10]). Глобальна стратегічна мета втілюється локальними стратегіями лякаючої і перверсії, тобто нанесення загрози об'єкту фізичного і/або морального шкоди. Прикладом комунікативної події, типової для реалізації стратегії МЕСТИ, є колективне написання образливого листа. В межах цього комунікативного події використовуються такі тактики (комунікативні дії), як загроза, злоба, вигнання, приниження.

Підводячи висновок, вважаємо, що **сценарії комунікативних стратегій** схематизують знання моделей соціального і комунікативного поведінки в межах тих або інших комунікативних подій як інтерактивних конфігурацій комунікативних дій, об'єднаних загальною стратегічною метою, що орієнтує комунікантів на співпрацю (ввічливість) або конфронтацію (агресивність) і реалізується в локальних стратегіях з допомогою набору тактичних дій (прохання / запрошення / (не)згода / (не)одобрення / запит інформації / оголошення / пояснення і т.д.), втілюваних вербальними і невербальними засобами.

«Невдача» в релевантній сценарії призводить до комунікативних невдач. Наприклад:

JACK: *Are there any specific areas that are troubling you?*

KAREN: Yeah. *My marriage.*

JACK: *I mean your body, Karen.* (Will and Grace: season 1, episode 8)

Даний комунікативний акт представляє комунікативну подію СЕАНС МАСАЖУ. Комунікативна невдача тут пов'язана з тим, що адресат-пацієнт інтерпретує запит адресанта-масажиста в межах сценарія комунікативної події СЕАНС ПСИХОАНАЛІЗУ, стосуючись мовного виразу *any specific areas* не з буквальним концептуальним змістом ПРОБЛЕМНІ УЧАСТКИ ТЕЛА, а з метафоричним – ПРОБЛЕМНІ АСПЕКТИ БРАКУ.

Інтерактивні сценарії комунікативних стратегій не тільки визначають домени / фрейми, в межах яких інтерпретуються висловлювання, але й орієнтують на виведення релевантних прагматических інтенцій тактичних дій комунікантів:

MARTIN: *How about you and me having a beer together?*

FRASIER: *Wow. You know, in all these years you've never asked me that. I'd love to have a beer with you, dad.*

MARTIN: *Well then, you better haul ass, 'cause the store closes in ten minutes.* (Frasier: season 1, episode 2)

В этом случае коммуникативная неудача возникает из-за того, что адресат (Фрейзер) интерпретирует вопрос своего отца Мартина как тактическое действие ПРИГЛАШЕНИЕ (выпить) в рамках сценария коммуникативного события БЕСЕДА (отца и сына), ориентированного на кооперативное общение при симметрических отношениях коммуникантов. В то же время, Мартин строит высказывание для реализации тактического действия ПОБУЖДЕНИЕ (сходить за выпивкой) в рамках сценария конфронтационного коммуникативного события ССОРА (отца и сына) с асимметрическими позициями участников: отец осуществляет коммуникативные действия с позиции силы, используя прямой императив, и демонстрирует негативное отношение к сыну, употребляя ругательную лексику.

Grace's Office. Karen (Grace's assistant) is at her desk. Grace enters wearing huge blue hat.

GRACE: *Karen, how about some coffee?*

KAREN: *Oh, no, I had some on the way in. Thanks.* [beat] *Oh, you want some.* (Will and Grace: season 1, episode 3)

В данном коммуникативном акте адресат Карен, работающая ассистентом у Грейс, интерпретирует вопрос Грейс как ПРИГЛАШЕНИЕ (выпить кофе), в то время как Грейс высказывает ПРОСЬБУ (сделать кофе). Такая коммуникативная цель тактического действия Грейс вполне отвечает коммуникативному событию РАЗГОВОР НАЧАЛЬНИКА И АССИСТЕНТА. Адресат не распознает интенции адресанта, поскольку интерпретирует ее высказывание в рамках сценария РАЗГОВОР ПОДРУГ.

Таким образом, интеграция понятия коммуникативной стратегии в систему понятий когнитивной лингвистики и обоснование такого инструмента когнитивного анализа коммуникации как интерактивный сценарий коммуникативной стратегии позволяет продвинуться вперед в рассмотрении проблемы сущности коммуникации как когнитивного феномена, подчиняющегося общим законам совместной деятельности человека и лежащего в основе существования человеческого разума.

ЛИТЕРАТУРА

1. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : [избранные труды] / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – М. : УРСС, 2002. – 284 с.
3. Кибрик А.Е. Лингвистические постулаты / А.Е. Кибрик // Уч. зап. Тарт. ун-та. – Вып. 621. Механизмы ввода и обработки знаний в системах понимания текста: Труды по искусственному интеллекту. – Тарту, 1983. – С. 24-39.
4. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации / И.М. Колегаева. – Одесса: Ред.-изд. отд-е упр. по печати, 1991.– 120 с.
5. Кравченко А. В. Является ли язык репрезентативной системой? / А. В. Кравченко // Studia Linguistica Cognitiva. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические

- проблемы и перспективы. – С. 135–156.
6. Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А. В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 51–65.
 7. Мартинюк А. П. Конструювання гендеру в англомовному дискурсі : [монографія] / А. П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.
 8. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике / Д. Франк // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 363–373.
 9. Фролова І. Є. Стратегія конфронтації в англомовному дискурсі : [монографія] / І. Є. Фролова. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с.
 10. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры) : автореф. дисс. на соискание уч. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Чесноков Иван Иванович. – Волгоград, 2009.
 11. Шевченко І.С. Концепты коммуникативного поведения и дискурс / І.С. Шевченко // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер. : Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1072. – С. 15-20.
 12. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г. П. Щедровицкий. – М. : Наследие ММК, 2005.
 13. Brown P. Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. – Cambridge, 1978. – P. 56–289.
 14. Coulthard M. An Introduction to Discourse Analysis / M. Coulthard. – L. : Longman, 1977. – 195 p.
 15. Croft W. Cognitive linguistics / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
 16. Evans V. Cognitive linguistics: an introduction / V. Evans, M. Green. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2006. – 830 p.
 17. Fauconnier G. Conceptual projection and middle spaces [Electronic resource] / G. Fauconnier, M. Turner // Technical report 9401, Department of cognitive science. – San Diego : Un-ty of California, 1994. – Access : <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.pdf>.
 18. Fillmore Ch. Frame semantics / Ch. Fillmore // Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. – 1981. – Seoul, 1982. – P. 111–137.
 19. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding / Ch. Fillmore // Quaderni di Semantica. – 1985. – № 6(2). – P. 222–253.
 20. Harris R. From an integrational point of view / R. Harris // Linguistics Inside Out: Roy Harris and his critics / [ed. by G. Wolf, N. Love]. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 229–310.
 21. Järvilehto T. The theory of the organism-environment system: III. Role of efferent influences on receptors in the formation of knowledge / T. Järvilehto. // Integrative Psychological and Behavioural Science, 34. 90-100. 1999.
 22. Lakoff G. Foreword / G. Lakoff, E. Sweetser // G. Fauconnier. Mental Spaces. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. ix – xvi.
 23. Langacker R. W. Foundations of cognitive grammar / R. W. Langacker. – Stanford : SUP, 1987. – Vol. 1. Theoretical prerequisites. – 516 p.
 24. Moore T. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics / T. Moore, C. Carling. – London : Macmillan, 1982. – 225 p.
 25. Schank R. C. Scripts, plans, and knowledge / R. C. Schank, R. P. Abelson // Proceedings of the 4th International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI'75). – Cambridge, USA : Morgan Kaufman Publishers Inc. San Francisco, 1975. – Vol. 1. – P. 151–157.
 26. Schegloff E. A. Openings up closings / E. A. Schegloff, H. Sacks // Semiotica. – 1973. – Vol. 8. – P. 289-327.
 27. Frasier [Electronic resource]. – Access : <http://catsnguitars.wordpress.com/scripts-archive/>.
 28. The Big Bang Theory [Electronic resource]. – Access : <http://bigbangtrans.wordpress.com/>.
 29. Will and Grace [Electronic resource]. – Access : <http://www.durfee.net/will/transcripts.htm>.

REFERENCES

1. Zalevskaja, A. A. (2005). Psiholingvističeskie issledovanija. Slovo. Tekst. M. : Gnozis.
2. Issers, O. S. (2002). Kommunikativnye strategii i taktiki ruskoj reči. M. : URSS.
3. Kibrik, A.E. (1983). Lingvističeskie postulaty. Uch. zap. Tart. un-ta. Mehanizmy vvoda i obrabotki znaniy v sistemah ponimaniya teksta: Trudy po iskusstvennomu intellektu. (621), 24-39.
4. Kolegaeva, I.M. (1991). Tekst kak edinica nauchnoj i hudozhestvennoj kommunikacii. Odessa: Red.-izd. otd-e upr. po pečati.
5. Kravčenko, A. V. (2006). Javljaetsja li jazyk reprezentativnoj sistemoj? Studia Linguistica Cognitiva. Jazyk i poznanie: Metodologičeskie problemy i perspektivy. (1), 135–156.
6. Kravčenko, A. V. (2009). O tradicijah, jazykoznanii i kognitivnom podhode. In Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo : sb. v chest' E. S. Kubrjakovoj. (pp. 51-65). M.: Jazyki slavjanskih kul'tur.
7. Martinjuk, A. P. (2004). Konstrujuvannja genderu v anglovomnomu diskursi. Harkiv: Konstanta.
8. Frank, D. (1985). Sem' grehov pragmatiki: tezisy o teorii rečevyh aktov, analize rečevogo obshhenija, lingvistike i ritorike. Novoe v zarubezhnoj lingvistike. (17), 363–373.
9. Frolova, I. Ye. (2009). Strategija konfrontacii v anglovomnomu diskursi. H. : HNU imeni V.N. Karazina.
10. Chesnokov, I.I. (2009). Mest' kak jemocional'nyj povedenčeskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisanija v kontekste ruskoj lingvokul'tury) : avtoref. diss. na soiskanie uch. stepeni doktora filol. nauk : spec. 10.02.19 «Teorija jazyka», Volgograd.
11. Shevčenko, I.S. (2013). Koncepty kommunikativnogo povedenija i diskurs. Visnik Harkivs'kogo nacional'nogo universitetu imeni V.N. Karazina. Ser. : Romano-germans'ka filologija. Metodika vkladannja inozemnih mov. (1072), 15-20.
12. Shhedrovickij, G. P. (2005). Myshlenie. Ponimanie. Refleksija. M. : Nasledie MMK.
13. Brown, P., Levinson, S. (1978). Universals in language usage: politeness phenomena. In Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. (pp. 56-289), Cambridge.
14. Coulthard, M. (1977). An Introduction to Discourse Analysis. L. : Longman.
15. Croft, W., D.A. Cruse. (2004). Cognitive linguistics. Cambridge : Cambridge University Press.
16. Evans, V., Green, M. (2006). Cognitive linguistics: an introduction. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press.
17. Fauconnier, G., Turner, M. (1994). Sonceptual projection and middle spaces [Electronic resource]. Technical report 9401, Department of cognitive science. – San Diego : Un–ty of California. – Access : <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.pdf>.
18. Fillmore, Ch. (1981). Frame semantics. In Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL. (pp.111-137). Seoul.
19. Fillmore, Ch. (1985). Frames and the semantics of understanding. Quaderni di Semantica. 6(2), 222–253.
20. Harris, R. (1997). From an integrational point of view. In Linguistics Inside Out: Roy Harris and his critics. (pp. 229-310). Amsterdam : Benjamins.
21. Järvillehto, T. (1999). The theory of the organism-environment system: III. Role of efferent influences on receptors in the formation of knowledge. Integrative Psychological and Behavioural Science. (34), 90-100.
22. Lakoff, G., Sweetser, E. (1994). Foreword. In G. Fauconnier. Mental Spaces. (pp. ix-xvi). Cambridge : Cambridge University Press.
23. Langacker, R. W. (1987). Foundations of cognitive grammar. Stanford : SUP.
24. Moore, T., Carling, C. (1982). Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics. London : Macmillan.
25. Schank, R. C., Abelson, R.C. (1975). Scripts, plans, and knowledge. Proceedings of the 4th International Joint Conference on Artificial Intelligence (IJCAI'75). – Cambridge, USA : Morgan Kaufman Publishers Inc. San Francisco. (1), 151–157.
26. Schegloff, E. A., Sacks, H. (1973). Openings up closings. Semiotica.(8), 289-327.
27. Frasier [Electronic resource]. – Access : <http://catsnguitars.wordpress.com/scripts-archive/>.
28. The Big Bang Theory [Electronic resource]. – Access : <http://bigbangtrans.wordpress.com/>.
29. Will and Grace [Electronic resource]. – Access : <http://www.durfee.net/will/transcripts.htm>.

Стаття надійшла до редакції 23.03.2015 р.